

Александр Евсюков

ОДНОЙ ГРОМАДНОЮ МОЛИТВОЙ

Эта книга¹ — попытка заново пройти тяжелый и светлый земной путь архиепископа Антонина (Покровского), начавшийся в селе Богословское Центральной России в конце XIX века, а заверченный на тихоокеанском побережье далекой Америки накануне Второй мировой войны. Судьба владыки Антонина почти неизвестна в современной России, в лучшем случае он — «малоизвестный аляскинский миссионер», а между тем благодаря сборнику становится очевидно, что его необычная судьба представляет широкий и многогранный интерес.

Из предисловия узнаем, что автор-составитель сборника митрополит Павел (Фокин) заинтересовался личностью Антонина более пятнадцати лет назад, когда был назначен настоятелем Свято-Николаевского собора в Сан-Франциско. «В период поиска сведений о портретах, я обнаружил большое количество очень ветхого печатного материала — личных воспоминаний и переписки владыки Антонина. Состояние этих документов было очень плохое, часть из них когда-то была залита водой, некоторые письма превратились в труху». И в дальнейшем не раз приходится напоминать читателю: «К сожалению, от архива владыки Антонина сохранилась только часть. Но и из тех документов, которыми мы располагаем, виден весь масштаб этой удивительной личности».

Воспоминания, посвященные детству, юности и первым зрелым годам Алексея Покровского сохранились явно лучше, чем бумаги, связанные с некоторыми последующими периодами его жизни. Он был младшим ребенком в большой, но бедной семье диакона, где получить образование было возможно лишь благодаря самоотверженности ближайших родственников. «Старший мой брат мог окончить только духовное училище: к этому времени мне исполнилось одиннадцать лет, и он прекратил свое образование в мою пользу, ибо двум нам не было возможности учиться из-за средств. Затем отец умер, и я закончил свое образование за счет казны».

---

¹ Жизненный путь архиепископа Вашингтонского и Аляскинского Антонина (Покровского). Личные воспоминания, письма, проповеди и другие документы. Автор-составитель — митрополит Ханты-Мансийский и Сургутский Павел (Фокин) — М.: Сибирская Благовонница, 2021. — 398 с.

Вскоре по окончании духовной семинарии, «скоропелой» женитьбы и диаконской практики последовало назначение священником в село Паниковец. Там молодой батюшка или, как его называли местные жители, «папаша» вскоре навел порядок и установил, куда более справедливые, чем раньше, отношения с прихожанами. «Всякого рода требования за совершения святых таинств и треб были заменены добровольным вознаграждением, и многое другое было заменено или отменено. Вся реформа произвела на некоторых лиц неприятное впечатление».

Молодой священник стремился вести всех по христианскому пути. Он не боялся обличать ни пороки влиятельных особ, вроде помещицы-сутяжницы Александровой: «Смерть ее была встречена с восторгом всем громадным селом, так как она всю жизнь мучила судами крестьян, и они по незнанию законов и несдержанности были всегда виноваты и эту вину искупали во все время жизни Александровой крепостным бесплатным трудом». Не страшился он и останавливать словом готовые к бездумному насилию «народные массы», в которые едва не превратилась окончательно его заблудшая паства в ходе Первой русской революции 1905–1907 годов: «Я вот стою безоружный и не боюсь грабителей, мерзавцев, а они с оружием попрыгались от меня! Ведь если бы все это было полезно для нас, разве я побоялся бы кого? Я первый пошел бы впереди к дубиною!..»

И потому, несмотря на все тяготы этого периода жизни, включая и раннее вдовство священника, кажется, именно то время виделось ему позже самым светлым. Временем мира и единения с народом своей страны. «В этот-то день я понял простую [их] душу. Они все припомнили, не забыли, что я ходил пешком приобщать больных, не забыли посещения бедных домов и хлопоты». За трогательными словами явно ощущается, как перед расставанием все присутствующие испытывают чувство близкое к катарсису: «А последнюю службу я служил так, будто в храме стоял гроб близкого всем людям человека. Весь храм в продолжение богослужения сдержанно всхлипывал...»

Священник переезжает в уездный город Елец и становится пастырем больницы и тюремной церкви, осознавая, что его жизнь находится под постоянной угрозой. «Я знал, что мой предместник был убит арестантами этой же тюрьмы, и кровь еще не была смыта, когда я прибыл на эту квартиру. Уже по моему распоряжению вымывали квартиру и приводили ее в порядок. <...> Через несколько дней гуляем мы с начальником тюрьмы по тюремному двору и слышим разговор арестантов через окно. Один арестант учит другого, как резать людей:

— А вот попов резать, так и рука не дрогнет. Это уж я испробовал.

И вот слышишь такой разговор, а тебе нужно служить здесь...»

Причем угроза его жизни исходила не только со стороны заключенных. Однако он остается верным своему долгу и пастырскому призванию. «Один из выдающихся купцов предложил и мне честь вступить в политическую партию. Но от этой чести я отказался затем, что “принадлежу партии Христа и желал бы, чтобы и вы шли за мною, а не я за вами”. Вероятно, такой отказ произвел целую бурю в душе вербовщика в партию, и мне пришлось пережить гнев той партии, которая даже вынесла резолюцию о моей смерти, и в один из вечеров были побиты мои окна камнями».

Чуть позже автор воспоминаний совершает вояжи в Петербург и, несмотря на то, что раньше не видел моря и не бывал на океанских судах, становится корабельным священником. «Во время страшных бурь я вспомнил пословицу: “Кто в море не бывал, тот Богу не молился”. В прежнее время объяснял я эту пословицу тем, что ужасы, которые переживаются на море, заставляют вспоминать о Боге. Когда же я прожил на море около трех лет, то объяснил эту пословицу иначе. Я переживал такие чудные картины творения Божия, переживал такие мощные

явления, силу морской стихии! И я был так мал и ничтожен в сравнении с этими явлениями!»

Но уже наступало время других явлений в человеческой истории, в сравнении с которыми каждый человек мог ощутить себя песчинкой, а недавно могущественные державы — рухнувшими колоссами. В 1914 началась Первая мировая война, которую автор называет «Великой Европейской», и священник служит в лейб-гвардии на передовой, неоднократно благословляя и самого государя с его семейством. Однако бумаги этого периода почти не сохранились.

А затем наступают две революции и кровавая гражданская война. Отец Алексей Покровский оказывается в Москве «у красных», позже в недолгом плену и на службе у белого генерала К.К. Мамонтова, о командирских качествах которого высоко отзывается, в отличие от ряда иных белых деятелей. «Я сильно был разочарован в командном составе, в их человеческом достоинстве, совершенном отчуждении от Бога и презрительном отношении к Его служителям». При этом он сам вспоминает особую роль, которую ему отводило общество: «Я как священник был ближе к народу, и они шли ко мне за защитой, забывая, что я принадлежу к грабительскому корпусу». Отмечу также, что при явном неприятии идеи, за которую воюют красные, автор не замалчивает их конкретные положительные качества, например, называет командарма Буденного «отважным».

Будущий архиепископ Антонин — сверстник больших русских писателей Бунина, Куприна, Горького, Леонида Андреева, Ивана Шмелева. Его единственный сын Александр так же, как и сын Шмелева, был белым офицером. И отец столь же сильно переживал и считал его погибшим. При этом из книги не вполне понятно, как именно он спасся. Вдруг спустя некоторое время после переживаний и разговора о его верной гибели появляются упоминания об Александре и извлечения из их переписки середины 1920-х годов.

Перед отплытием из Новороссийска на чужбину: на Кипр, затем в Палестину, а позже и в Америку — святитель тяжело болеет возвратным тифом. И поэтому прощание с родиной и тогда, и позже представляется ему чем-то не вполне реальным.

«Мы почти были уверены, что сегодня утром будем хоронить вас.

— Нет, я нежелающий, — отвечает он врачам».

Это «нежелание» покидать земную жизнь раньше срока он продемонстрирует и позже, уже на Аляске.

Однако задолго до этого святитель, постриженный в монахи под именем Антонин и возведенный патриархом Иерусалимским в сан архимандрита, ощущает на Святой земле одно из глубинных чувств, к которому будет возвращаться до окончания жизни: «Вы сидите между колоннами, маленький и незаметный, устремив взор к высокому куполу, а дух проникает сквозь толщу купола туда, высоко-высоко в воздушное пространство, к Престолу Вседержителя. Вы как бы реально видите, что все молитвы на различных языках сливаются в куполе в одну сильную громадную молитву».

Похоже, это стремление к единству, понимание силы общей молитвы и помогло архимандриту, а затем архиепископу Антонину преодолеть множественные искушения новых раскольников и остаться честным христианином.

Он служит в Британской Колумбии («русские люди, прибывшие в Британскую Колумбию более десяти лет назад, совершенно одичали»), наводит порядок в общине и организует строительство нового храма, в котором она очень нуждается.

А затем отправляется в бывшие русские земли — на Аляску. Именно там зимой 1933 года ему предстоит пережить одно из сложнейших испытаний — крушение дизельного бота, а затем тринадцатидневное пребывание под открытым небом на каменистом берегу. Почти вся команда утонула либо замерзла. Его счита-

ли погибшим, служили заупокойные службы и готовы были прислать нового епископа. Да и сам Антонин вспоминал: «Я устроил между камнями подобие гроба». Однако вопреки всем «законам природы», он не только выжил, но и продолжил свои поездки и проповеди. «Но что особенно было чудесно в этой поездке, так это то, что я принужден был вести многочасовые беседы на английском языке. Ты знаешь, какой я англичанин, — и вдруг заговорил! Заговорил там, где это было нужно. Когда же вернулся в Ситку², снова пришел к прежнему знанию языка. Вот это чудо! Я думал, что святым апостолам даровано было знание языков именно тогда, когда это было нужно для проповеди».

В это время история чудесного спасения епископа Антонина сделала его очень популярным в Америке, вплоть до того, что его пригласил на личную встречу президент США Франклин Рузвельт. Но и эту свою внезапную популярность владыка стремился обратить на пользу общему церковному делу.

Церковь в Европе и Америке в тот период пришла к расколу. Изначально Карловацкий собор 1921 года стоял у истоков разделения церкви на РПЦ и РПЦЗ. Затем сторонники «новой церковной независимости» не раз выступали вновь, как словами, та и делами. «Мы неизменно получали от нашей Матери-Церкви материальную поддержку, пока она имела средства. И вот теперь, когда она больна, когда она бедна, когда она измучена, мы хотим от нее отказаться, совершая каноническое преступление», — отвечал им отец Антонин. Понимая же, что остается в меньшинстве, добавлял: «Привычка и стадное чувство в вопросах веры не имели и не имеют для меня никакого значения».

При этом до самой кончины он никогда не приписывал себе особой пронизательности по отношению к замыслам других людей. «Я прост и доверчив. Я смотрю на каждого человека, как ты знаешь, с хорошей стороны и никогда не подозреваю в людях пошлости. И это мое отношение много губит и меня и мое дело».

Однако дело его, пережив кризис, не погибло. Эта книга наглядно свидетельствует — прожив большую и сложную жизнь, архиепископ Антонин остался патриотом России и стал исповедником веры. Он всеми силами стремился не допустить разделения православной церкви и делал для этого все возможное.

---

² С и т к а (до 1867 г. — Новоархангельск) — город на острове Баранова на Аляске, в XIX веке центр Православия в Северной Америке.